

— Лу Синвань. Голос её звучал ровно, словно она обсуждала какой-то деловой контракт. — Но зерно ты должен вернуть. Семьсот двадцать ши, до последнего зернышка.

Се Тунчжи уставился на этот лист бумаги.

— Иначе... о маке я доложу в управу Кайфэн.

Молчание.

Долгое молчание.

Затем Се Тунчжи рассмеялся.

Смех был точно таким же, как вчера в зале судебных. Но на этот раз в нём прозвучало что-то новое — не гнев, а восхищение. Тот вид восхищения, с каким смотрят на самого трудного противника из всех, доводившихся встречать.

— Занятно, — произнес он. — Ты оказалась круче, чем я думал.

Он поднялся и подошел к окну.

— Зерно я верну. Но запомни... — он обернулся и посмотрел на неё. — Ты выиграла один раунд. Это не значит, что ты будешь выигрывать каждый.

Лу Синвань встала.

— Мне не нужно выигрывать каждый раунд, — ответила она. — Мне нужно выиграть лишь самый главный.

Она повернулась и ушла.

Чэн Яньцю закончил возиться с ранеными, закинул за спину аптечку и собрался уходить.

Лу Синвань окликнула его.

— Останься. Гуйдэ-фу нужен лекарь.

Чэн Яньцю обернулся на неё. На лице его застыло ленивое выражение, но в глазах таилось нечто иное — не колебание, а ожидание из серии я жду подходящего повода.

— В наши дни сдохнуть куда проще, чем прожить собачью жизнь, — протянул он, растягивая слова так, будто говорил сам с собой.

Затем он замолк на секунду.

— Но я лекарь — и из принципа не позволю этому быть так просто.

Он опустил аптечку на землю.

— Ладно.

Зерно вернули.

Семьсот двадцать ши, до последнего мешка. Се Тунчжи проявил благородство — он не просто отдал долг, но и добавил еще двадцать ши со словами: девушка Лу проявила немало труда при сверке счетов, примите это как скромное выражение моих извинений.

Лу Синвань приняла их. А затем велела Су Цзиньшу раздать эти лишние двадцать ши одиноким старикам и сиротам по всему городу.

Узнав об этом, Се Тунчжи не сказал ни слова.

История с зерном временно подошла к концу. Но Лу Синвань знала: когда бандиты явятся в следующий раз, никакие горы зерна не помогут — если те, кто должен оборонять город, не умеют воевать.

Она принялась за тренировки ополчения.

Прежний гарнизон города вместе с недавно набранными крепкими парнями и беженцами насчитывал около пятисот человек. Но эти пятьсот человек...

Стоя на плацу и глядя, как они выстраиваются в шеренги, Лу Синвань чувствовала, как у неё раскалывается голова.

Пятьсот человек выстроились в пять рядов. Первый ряд кривой и косой, словно прибитые ветром стебли риса. Во втором ряду кто-то путал лево и право, развернувшись лицом назад. В третьем какой-то амбал держал копьё так, будто собирался вымыть в тазу ноги. В четвертом ряду кто-то клевал носом. Пятый ряд — в пятом ряду вообще никто не стоял, потому что

народу не хватило.

Цинь Ху уже добрых четверть часа крыл их на чем свет стоит, сорвав голос до хрипоты:

— Твою мать, левая рука — это чтобы держать меч! Правая — чтобы держать щит! А не наоборот!

— Эй ты, олух! Твое копье должно колоть вперед, а не торчать столбом вверх! Ты что, думаешь, белье сушишь?

— А ты — да ты же, мать твою, и стоя умудряешься спать!

Лу Синвань не ругалась.

Она присела на корточки на землю и углем вывела на дощечке несколько иероглифов.

Двенадцать приказов по обороне города.

Эту систему она разработала за последние два дня — готовый стандартный регламент операций. Двенадцать постов, для каждого прописаны обязанности, порядок действий и протокол на случай чрезвычайной ситуации, и всё это изложено предельно кратко.

...

Двенадцать приказов по обороне города

Первое. Приказ о городских воротах: на страже ворот стоят четверо, открывают днем, запирают ночью. Без приказа не открывать ни при каких условиях.

Второе. Приказ о патрулировании стен: дозорных стен восемь человек, делят на четыре участка, по двое на каждый. Смена караула каждые два часа.

Третье. Приказ о дозоре: наблюдателей двое, несут дежурство на возвышенности. При виде столбов пыли, огня или крупных отрядов немедленно бить в гонг.

Четвертое. Приказ облучниках: лучники делятся на три группы, стрельба посменная. Первая стреляет, вторая готовится, третья отдыхает.

Пятое. Приказ об огнестрельном оружии:

.....

...

Многие не умели читать. Тогда она нарисовала картинки — к каждому посту прилагался схематичный рисунок с указанием правильных движений. Как оборонять ворота, как патрулировать стены, как пускать стрелы, как выносить раненых — для каждого действия имелась наглядная иллюстрация.

Цинь Ху подошел поближе и бросил взгляд на дощечку.

— Это что... трактат о военном искусстве?

— Нет. Это инструкция по эксплуатации.

— Чего?

— Ну... как у кузнеца есть порядокковки железа, а у крестьянина — порядок посева. У войны тоже должен быть свой порядок. Изложив всё по шагам, мы добьемся того, что смена людей не отразится на эффективности.

Цинь Ху долго рассматривал эти рисунки.

— Все эти твои штуки... — проговорил он медленно. — Я провоевал сорок лет, но никто меня такому не учил.

— Просто раньше никто не удосуживался перенести опыт на бумагу, — ответила Лу Синвань. — В твоей голове хранится сорок лет опыта, но с собой ты его не унесешь. Если завтра тебя убьют...

Она прервалась на секунду.

— ...весь этот опыт отправится с тобой в могилу.

Лицо Цинь Ху изменилось.

Он не разозлился. Просто эти слова попали в самую точку.

Помолчав немного, он буркнул:

— Продолжай.

Тренировки продолжались пять дней.

Первые два дня были настоящим кошмаром. На третий день дела пошли на лавку лучше — плакаты с Двенадцатью приказами по обороне города расклеили по всей стене, и каждый теперь четко знал, где его место и что ему делать. На четвертый день люди начали сами поправлять ошибки соседей. На пятый день при построении наконец-то никто не перепутал направление.

Чэнь Анюй схватывал всё быстрее всех. Грамоте он не обучался, но стоило ему пару раз взглянуть, как он всё запоминал. Синвань один раз показала ему порядок смены лучников, и он тут же смог объяснить его остальным — причем куда понятнее, чем сама Синвань, потому что изъяснялся на языке уличной шпаны.

Ты отстрелялся — шаг назад! Тот, кто позади, выходит вперед! Следующий ждет своей очереди! Как за булочками в лавке — один взял, другой ждет, третий смотрит! Понятно?

Понятно.

Чэн Яньцю наблюдал за этим со стороны, устроившись у основания стены. Скрестив руки на груди, он сохранял вид человека, которому никуда не спешить: я, мол, лекарь, мне тренироваться не положено.

— Как закончите свои учения, сразу ко мне, — бросил он. — У меня тут и мази от ушибов припасены, и кое-что для мозгов — судя по интенсивности ваших тренировок, пригодится и то, и другое.

Цинь Ху выругался:

— Шарлатан чертов!

Чэн Яньцю невозмутимо парировал:

— Подумаешь, шарлатан! Шарлатан тоже может жизнь спасти. Если бы не я, те твои двое раненых уже давно бы заживо сгнили.

Цинь Ху умолк. Возразить было нечего.

Наступил вечер после окончания тренировок.

Лу Синвань сидела на крепостной стене и смотрела на закат.

Чэнь Анюй протянул ей дикий фрукт — где-то он его раздобыл, — от которого у неё от кислинки мгновенно свело всё лицо.

Подошла Су Цзиньшу и молча присела рядом. Ничего не говоря. Просто сидела.

На другом конце стены Цинь Ху чистил свой меч. Лезвие отражало лучи заходящего солнца, вспыхивая искрами.

Чэн Яньцю примостился у подножия стены, пришивая новый ремень к своей потертой аптечке.

Эти четверо. Старый вояка, избалованная девица из богатой семьи, воришка и шарлатан.

Плюс она сама — менеджер по продукту, заброшенная в другую эпоху.

В этот момент они действительно стали похожи на команду.

Ночью Синвань не спалось.

Она перебирала старые вещи, которые одолжил ей Цинь Ху — то, что осталось у него со времен учебы в префектуре Тайпин. Несколько самодельных тетрадок в обложках, старые бумаги, парочка обломанных кирпичей, вытащенных из фундамента древней стены.

Она рассеянно листала их.

И вдруг замерла.

Обычный обломанный кирпич. Размером с ладонь, края сильно обтерлись. На нем были выбиты какие-то цифры.

Сначала она не придавала им значения. Решила, что это метка мастера — в династии Мин кирпичные обжиговые заводы часто ставили на кирпичах клейма.

Но эти цифры не были заводским номером.

3,14

Она уставилась на эти три знака.

3,14.

Число пи.

На кирпиче времен династии Мин.

Её палец лег на цифры, ощущая шероховатость углублений. Начертано не случайно — глубоко и с усилием, будто кто-то очень хотел, чтобы надпись сохранилась надолго.

На кирпиче четырехвековой давности кто-то высек первые три знака числа пи.

Сердце забилось быстрее.

Но она была слишком уставша. К тому же стояла глухая ночь.

Положив кирпич рядом с подушкой, она закрыла глаза.

Подумаю об этом завтра.

Но последней мыслью перед тем, как погрузиться в сон, было:

В эпоху, когда не существовало никаких современных математических инструментов, кому взбрело в голову высекать число пи на кирпиче?

Операция под кодовым названием Шань Хай начинается через 48 часов.

Восемь групп одновременно стягиваются к Средиземному морю со всех уголков планеты. Китай предоставляет спутниковый мониторинг и анализ духовной энергии, Греция открывает все базы пробужденных на средиземноморском побережье, Северная Европа отправляет штурмовой отряд воинов рун, команда египетских жрецов отвечает за восстановление печатей, а Калки лично руководит работой командного центра.

Лу Чэнь назначен главным главнокомандующим.

Не потому, что у него самый высокий уровень — среди всех восьми он единственный, кто не обладает рангом SS. Но он единственный, кто способен чувствовать духовную энергию Хуньдуня и единственный, кто может преодолевать цивилизационные барьеры, используя Диких зверей различных систем.

Провожая его до самолета, Цзян Чэн хлопнул его по плечу:

— Ты самый молодой главнокомандующий из всех, кого я видел.

— И с самым низким уровнем силы.

— Уровень не главное. Главное — способности.

Средиземное море. 200 миль к югу от Крита.

Гладь моря спокойна. Солнечные лучи искрятся на лазурной воде, кружатся чайки.

Но Шань Хай Цзин подсказывает ему: на глубине трех тысяч километров под этой водной гладью залегает трещина протяженностью в два километра.

Десять тысяч лет назад эта трещина была запечатана Тай-и с помощью семислойного барьера духовной энергии — металл, дерево, вода, огонь, земля, а также свет и тьма.

[Первый слой (металл): в целости]

[Второй слой (дерево): в целости]

[Третий слой (вода): незначительно поврежден]

[Четвертый слой (огонь): поврежден на 30%]

[Пятый слой (земля): поврежден на 50%]

[Шестой слой (свет): в целости]

[Седьмой слой (тьма): поврежден на 70%]

Седьмой слой — барьер тьмы — разрушен уже на 70%.

— Они атакуют печать извне, — Лу Чэнь стоит на флагманском корабле греческого союза. — Седьмой слой барьера тьмы пострадал сильнее всего, потому что сам Хуньдунь имеет сродство с элементами тьмы. Они действуют методом капли, точащей камень — ослабляют печать по чуть-чуть, но со временем это накапливается, и оборона скоро рухнет.

— Сколько времени осталось? — спрашивает Александр.

— Судя по текущей скорости разрушения — семьдесят два часа. Через трое суток седьмой слой окончательно развалится. Как только это случится, духовная энергия Хуньдуня просочится в шестой и пятый слой... словно костяшки домино. На разрушение всех слоев уйдет всего несколько часов.

— А затем в центре Средиземного моря откроется постоянный разрез, ведущий в Хаос. Оттуда хлынут не Дикие звери. Оттуда полезет сам Хуньдунь.

— План обороны делится на два эшелона, — Лу Чэнь очерчивает два круга на голографической карте.

— Внешний: элитные армейские подразделения формируют рубеж обороны, не допуская наземные силы Апостолов Великих Пустошей к зоне печати.

— Внутренний: мы ввосьмером проникаем в морскую пучину, чтобы напрямую укрепить печать.

— Что требуется для укрепления? — интересуется Амон.

— Духовная энергия семи стихий: металла, дерева, воды, огня, земли, света и тьмы. Лу Чэнь окидывает взглядом присутствующих. — Как раз получается — нас восемь человек из разных цивилизаций, владеющих энергией различных стихий.

— Александр — воплощение бога войны, стихия металла.

— Тор — сила молота грома, стихия света.

— Амон — сила божества солнца, стихия огня.

— Калки — сила разрушения, стихия тьмы.

— Геракл — сила двенадцати подвигов, стихия земли.

— Киити — сила сотен духов, стихия дерева.

— Зеленый Рыцарь — сила природы, стихия воды.

— Семь стихий. Семь слоев барьера. Семь человек.

— Восьмой человек — то есть я — отвечает за координацию и соединение.

Он выводит на экран оригинальную схему печати, оставленную Тай-и.

— Когда Тай-и создавал печать, семь слоев барьера не были независимыми, они соединялись друг с другом.словно семь веревок, скрученных в один канат — отдельно каждую можно перерезать, но собранные вместе, они в двадцать раз прочнее одиночной.

— Апостолы Великих Пустошей смогли пробивать слои по очереди именно потому, что за десятки тысяч лет точки соединения естественным образом ослабли.

— Наша задача не в том, чтобы строить семь новых барьеров, а в том, чтобы заново соединить их. Сплести семь распавшихся веревок обратно в единый канат.

— Каким образом их соединить? — спрашивает Александр.

— Через меня. Лу Чэнь указывает на свой лоб — туда, где покоится Шань Хай Цзин. — В Шань Хай Цзин записана полная структура печати, включая способы соединения. Я могу послужить связующим звеном, направив духовную энергию семерых в нужные точки печати и воссоздав связи.

— Но есть одна проблема...

Он заглядывает в глаза каждому.

— В процессе соединения вам потребуется временно передать мне контроль над своей духовной энергией. Это значит, что в течение нескольких секунд, пока идет процесс, вы останетесь без духовной защиты.

— Если в этот момент Апостолы Великих Пустошей пойдут в атаку...

— Мы все можем погибнуть.

В каменном зале воцарилась трехсекундная тишина.

Первым подает голос Геракл:

— Я верю тебе.

Вторым откликается Тор:

— Хватит болтать, погнались!

Третий — Амон:

— Условие: информация об египетских Диких зверятах из Шань Хай Цзин после всего этого должна быть полностью передана нам.

Четвертый — Калки:

— Не возражаю.

Пятый — Киити:

— Занятно. Сыграем в эту игру.

Зеленый Рыцарь кивает последним, храня молчание.

Александр смотрит на Лу Чэня. В его золотых глазах больше нет прежней придирчивости — только доверие.

— Ты самый безрассудный пробужденный ранга А из всех, кого я встречал. Отдать жизни семерых человек в твои руки... ты понимаешь, что это значит?

— Это значит, что я не имею права проиграть.

— Верно, — Александр протягивает руку. — Так не проигрывай.

Лу Чэнь пожимает его руку.

Операция начинается.

Внешняя линия обороны разворачивается в радиусе десяти морских миль вокруг зоны печати.

Внутренний отряд — восемь человек в специальных глубоководных батискафах — погружается на трехкилометровую глубину к океанскому дну.

На двухтысячной отметке корпус начинает тревожно поскрипывать.

— Духовная энергия Хуньдуня разъедает обшивку, — передает по связи Линь Шуан. — Продержится максимум минут сорок. Вы должны успеть завершить соединение за это время.

— Хватит.

Он «видит» печать.

На трехкилометровой глубине морского дна раскинулась гигантская трещина длиной два километра и шириной пятьдесят метров. Её покрывают полупрозрачные слои духовного барьера, каждый своего цвета — золотистый, зеленый, синий, красный, бурый, белый, черный.

Седьмой слой — черный барьер тьмы — истончился до состояния вуали. Сквозь него Лу Чэнь смутно различает внутренности разлома...

Мрак.

Не обычный мрак. Это тьма, обладающая весом, словно медленно текущая густая жидкость. В темноте то и дело мелькают огромные смутные тени — проявления воли самого Хуньдуня.

— Всем занять позиции!

Семь человек рассредоточиваются по семи ключевым точкам разлома, руководствуясь схемой из Шань Хай Цзин. Каждый отвечает за свой слой барьера, располагаясь примерно в трехстах метрах друг от друга и образуя семиконечную звезду с Лу Чэнем в центре.

— По моей команде. Три... Два... Один... Начали!

Духовная энергия семерых высвобождается одновременно.

Золотая энергия бога войны. Синяя энергия громовых раскатов. Алая энергия солнца. Черная энергия разрушения. Бронзовая энергия земли. Изумрудная энергия жизни. Серебристо-белая энергия текучих вод.

Семь потоков духовной энергии со всех сторон устремляются к Лу Чэню.

Шань Хай Цзин работает на пределе возможностей.

[Программа соединения печати запущена]

[Идет прием семи видов духовной энергии — металл, дерево, вода, огонь, земля, свет, тьма — 100%]

[Начало перенаправления духовной энергии —]

Тело Лу Чэня превращается в распределительный узел духовной энергии. Семь разнородных стихий переплетаются, сталкиваются и сплавляются внутри него — это невероятно больно, словно проглотить семь ядов одновременно, каждый из которых прокладывает в теле собственный путь.

Под кожей вздуваются вены. С поверхности тела сочатся лучи семи цветов. Глаза переливаются всеми цветами радуги — зрачки одновременно вспыхивают семью оттенками.

Боль. Небывалая, невиданная боль.

Но он стискивает зубы, не издавая ни звука.

[Процесс соединения: 12% — 35% — 58% —]

В этот момент — красный сигнал тревоги!

[Внимание! Внешняя атака!]

[Апостолы Великих Пустошей атакуют седьмой слой барьера изнутри разлома!]

[Мощность атаки — ранг SSS!]

[Остаток прочности седьмого слоя: 30% — 25% — 18% —]

Они поняли, что печать восстанавливают. И ускорили нападение.

— Быстрее! — рычит Лу Чэнь, его голос осип от боли.

[Процесс соединения: 71% — 79% —]

Седьмой слой рушится.

[Остаток прочности седьмого слоя: 10% — 5% — 2% —]

Не успевают.

До завершения соединения осталось еще двенадцать секунд. Но седьмой слой не продержится и пяти.

Если барьер рухнет, духовная энергия Хуньдуня хлынет наружу — а Лу Чэнь сейчас перекачивает через себя семь стихий и совершенно лишен защиты.

Его поглотит Хаос первым.

— Лу Чэнь! — доносится из рации голос Александра. — Седьмой слой падает — прерывай соединение! Отступай!

— Нельзя прерывать! Если связь оборвется, все уже созданные узлы рухнут — печать разрушится полностью!

[Процесс соединения: 86% —]

[Остаток прочности седьмого слоя: 1% —]

[Грозит разрушение —]

Одна секунда.

В запасе осталась всего одна секунда.

Лу Чэнь принимает безумное решение.

Вместо того чтобы ускорять процесс, он протягивает руку к седьмому слою барьера.

Голыми руками.

[Внимание! Носитель контактирует с духовной энергией Хаоса!]

[Уровень духовной энергии Хаоса — ранг SSS!]

[Уровень носителя — ранг A!]

[Последствия контакта — непредсказуемы!]

— Заткнись.

Его ладонь ложится на рушащийся седьмой слой барьера.

Духовная энергия Хаоса мгновенно врывается внутрь — ледяная, темная, хаотичная, несущая разрушение. Она сталкивается с семью стихиями внутри его тела, словно раскаленное железо бросили в ледяную воду.

Он слышит треск собственных костей.

Он видит, как во тьме на него смотрят бесчисленные глаза — глаза Хаоса.

До него доносится голос Хуньдуня — не слова, а первобытный посыл:

— Ты кто такой?

Превозмогая дикую боль, Лу Чэнь отвечает:

— Я хранитель Шань Хай Цзин. Я здесь, чтобы запечатать тебя.

— Слуга Тай-и? Опять. Прошлого я сожрал.

— Меня ты тоже сожрешь.

Лу Чэнь усмехается. Кровь в уголке рта делает эту улыбку жуткой.

— Ты не сможешь меня сожрать.

— Почему?

— Потому что я пришел не уничтожить тебя.

Он вливает силу Шань Хай Цзин в процесс соединения — не просто простое слияние семи стихий, а саму мощь Шань Хай Цзин.

Шань Хай Цзин. Книга, в которой записаны истинные имена всех вещей. Её сила — не в сражении, а в фиксации.

Лу Чэнь открывает Да Хуан Цзин перед лицом Хаоса.

Активация 0,1%. Разблокирована всего одна страница — страница семени Хаоса.

Но на этой странице начертано имя.

Истинное имя семени Хаоса — истинное имя первородного порождения Хаоса.

Лу Чэнь произносит это истинное имя вслух.

Духовная энергия Хаоса внутри его тела резко замирает — словно пришедший в бешенство зверь вдруг слышит, как кто-то назвал его по имени.

Не подчинение. Не запечатывание.

Просто... назвали его имя.

— Ты... знаешь мое имя? — голос Хуньдуня меняется. В нем больше нет безжалостной угрозы — лишь нотка... удивления.

Десятки тысяч лет никто не называл его по имени.

Тай-и запечатал его, но не назвал имени. Второй преемник попытался открыть Да Хуан Цзин и был им поглощен — и тоже не назвал имени.

Все только боролись с ним, запечатывали его, уничтожали.

Никто никогда не называл его имени.

— Знаю, — говорит Лу Чэнь во тьме. — И узнаю еще больше. Шань Хай Цзин запишет всё о тебе — не как о враге, а как о части этого мира.

— Но сейчас... будь добр, умолкни.

Он вплетает силу этого «имени» в соединение.

Семь потоков духовной энергии вместе с мощью Шань Хай Цзин одновременно вливаются в семь узлов печати —

[Процесс соединения: 100%]

[Печать перекована.]

[Соединение семи слоев барьера завершено — мощность увеличена до 340% от первоначальной]

[Седьмой слой барьера — восстановлен. Укреплен. Завершен.]

Золотое сияние извергается из трещины, освещая всю морскую пучину. Все семь слоев барьера вспыхивают одновременно, переплетаясь семью цветами и превращаясь в невидимые цепи, накрепко запирающие разлом.

Хаос снова запечатан.

А Лу Чэнь теряет сознание среди вспыхнувшего света.

<http://bllate.org/book/21208/2146540>